

ПЕКИН НАМ ДРУГ, НО МЫ ЕГО ТЕРЯЕМ

Игорь Джадан

Игорь Джадан — политолог, публицист, автор книги «Пятидневная война. Россия принуждает к миру» (М.: Европа, 2008)

Пекину в начале «нулевых» была предложена роль мирового «ответственного владельца акций» при сохранении роли «эмиссионного центра» за Соединенными Штатами. Активная скупка Китаем американских государственных долговых обязательств, поддержка доллара и значительная согласованность действий двух стран по «корейскому вопросу» — только часть индикаторов того, что китайское руководство согласилось с предложением американцев.

В то же время развитие отношений Китая с Россией в «нулевые» потеряло динамику, свойственную для ельцинского «открытия» Китая. Китайская сторона так и не дождалась от Москвы шагов по кардинальному расширению товарооборота, более свободного выхода на рынок российских военных и космических технологий. Новое руководство России было в известном смысле более европоцентричным в своих внешнеполитических приоритетах. Достаточно сравнить частоту встреч предыдущего российского президента с канцлером Герма-

ния с частотой аналогичных встреч с лидерами Китая и Индии, вместе взятых. Не в пользу Китая сыграла и об-

стоящая сверхосторожность путинского руководства. Россия — и это четко осознавали на Западе и в Китае — оставалась государством «статус-кво»: ее лидеры старались не потерять вследствие слишком активной внешней политики то, что все еще имели. Иногда это вело и к полному параллелю сотрудничества: скажем, как со строительством нефтепровода из Сибири в сторону китайской границы. В определенный момент даже постоянно страдающий от недофинансирования российский военно-промышленный комплекс охладел к китайскому рынку. Россия отказала Пекину в приобретении ряда видов вооружения. Были проведены судебные процессы над российскими учеными, слишком активно сотрудничавшими с китайскими коллегами и обвиненными впоследствии в шпионаже.

Нельзя сказать, что для подобной осторожности не было оснований: китайцы регулярно похищают российские технические секреты, а о том, что китайские фирмы беззастенчиво копируют и продают в страны третьего мира российские образцы вооружений, не писал только ленивый. К тому же военный потенциал КНР за последние десять лет серьезным образом укрепился. Китай проявил неожиданный интерес к закупкам в России субстратегических систем (бомбардировщики Ту-22М3), а когда неподалеку от границ России стали проводиться широкомасштабные военные маневры, страхи возросли многократно.

При этом в плане технологий Пекин уже взял у России практически все. Если несколько лет назад у России оставались шансы получить преференции на китайском рынке и сделать на нем рынок, то теперь присутствие Москвы в Китае уменьша-

ется. Даже те преференции, которые были предоставлены китайцами по их собственной инициативе, в том числе особый статус рубля, используются российскими компаниями не вполне эффективно. Теперь российский товарооборот с Китаем в десятки раз отстает от товарооборота Китая с Соединенными Штатами, Японией и Европой. Соответственно слабеет и относительное влияние России на китайскую политику.

Пекин особенно разочарован срывом ряда важных для него контрактов в сфере военно-технического сотрудничества, таких, например, как поставка трех десятков уже законтрактованных военно-транспортных самолетов. В атомной энергетике и в космической отрасли Пекин активно развивает свои собственные технологии, и скоро он не будет нуждаться не только в российских, но и в западных технологиях в большинстве стратегических сфер. Китай отказался от сотрудничества с Россией в гражданском авиастроении и намерен выйти на рынок с собственным конкурирующим продуктом «большого лайнера». Таким образом, даже в тех отраслях, в которых Китай и Россия еще недавно дополняли друг друга, стороны становятся непримиримыми экономическими конкурентами.

Знамя союза России с Китаем в борьбе за многополярный мир выглядит все менее адекватным в свете новых идей США по созданию «большой двойки». К примеру, Соединенные Штаты и Китай могли бы договориться за спиной России относительно совместной политики в Средней Азии, Пакистане и Афганистане в обмен на согласие американцев на более активное участие Пекина в делах Тайваня. Однако что может Москва предложить Пекину кроме более широкого открытия своих рынков, пока непонятно. Россия может остаться у разбитого корыта без своей контригры. Но после ухода Примакова никакого центра генерации идей на китайском направлении в российском МИДе так и не сформировалось, либо новые идеи не получают достаточной поддержки в самом Кремле. Российская сторона по-прежнему в большей степени озабочена рисками сотрудничества с Китаем, чем неиспользованными возможностями. ■

Специально для РЖ

После ухода Евгения Примакова никакого центра генерации идей на китайском направлении в российском МИДе так и не сформировалось. Либо новые идеи не получают достаточной поддержки в самом Кремле

нии с частотой аналогичных встреч с лидерами Китая и Индии, вместе взятых. Не в пользу Китая сыграла и об-

ется. Даже те преференции, которые были предоставлены китайцами по их собственной инициативе, в том числе